

ОЛЬГА ПАШНИНА

Женные
сестры
Притворица

Колдовские миры

Ольга Пашнина

Притворщица

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пашнина О.

Притворщица / О. Пашнина — «Эксмо», 2023 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-189496-2

Их имена знает каждый, они не сходят со страниц светской хроники, и мало кто не мечтает оказаться на месте сестер Кордеро, купаясь в богатстве, власти и обожании. Кортни, сбежавшая из дома и от мужчины, ставшего ее кошмаром и наваждением. Кайла, циничная и бездушная стерва с разбитым сердцем. Ким, всеобщая любимица и жертва деспотичного отца. У сестер есть секреты, а еще им есть что терять. И каждая из них — ключ к древней тайне рода Кордеро, через века связавшей поколения проклятием. Проклятием, перед которым, кажется, бессильна даже любовь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189496-2

© Пашнина О., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ольга Олеговна Пашнина

Притворщица

© Пашнина О.О., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Мертвая девушка смеялась.

Смотрела и смеялась, глядя, как я кружусь, подняв руки вверх. Белое перемежалось желтым, стены и потолок палаты смешались в один водоворот тусклых красок. Никогда не думала, что белый цвет может быть настолько унылым.

– Опять голова закружится! – не выдержала мертвая девушка.

– Хейвен, заткнись! – пробурчала я.

Перестала кружиться и упала на мягкий пол. Потолок все равно вращался.

– Ну вот и зачем? – фыркнула Хейвен, садясь рядом. – Теперь тебе плохо, а мне скучно.

– Тебе не может быть скучно. Ты мертвая.

– А что, ты полагаешь, что смерть – это весело? Нет, Кимми, это ужасно скучно. Это вечность скуки. Даже тому, кто убивает, веселее. Вот тебе было весело, когда ты меня убила?

– Вряд ли.

Она начинала утомлять, и в такие моменты я обычно стучала в дверь палаты, требуя принести успокаивающее зелье. Но сегодня, кажется, был выходной, и мне не хотелось спать. И сестра-целительница принесла вкусное желе. Почему она всегда носит только желе? Я бы выпила кофе. Не уверена, что помню его вкус. Но помню *ощущение*: кофе – это что-то чудесное.

– Я хочу к морю, – протянула Хейвен. – Очень хочу.

– Тебе не светит. Ты – плод моего воображения. В нем нет моря. Хочешь, отправлю в домик у озера? Его я помню... вроде бы.

– Была там сто раз. Почему ты не можешь придумать мне море? Ким, я хочу море!

– Хейвен, отстань! – рявкнула я.

И привлекла внимание дежурной сестры, потому что в замке палаты вдруг повернулся ключ.

– Все нормально, – поспешно сказала я.

Если им что-то не понравится, они заставят выпить зелье – и я усну. Ненавижу спать.

– Ким, я хочу поговорить с тобой.

Нет, это не сестра-целительница.

А высокая рыжеволосая лекарь Дельвего. Я удивленно села на полу: раньше Кристина ко мне не заходила. Меня водили в ее кабинет раз в два дня, и там я по несколько часов отвечала на многочисленные вопросы. О себе, о мыслях, о прошлом. Иногда казалось, что лекари намеренно не давали мне забыть о том, из-за чего я сюда попала.

– Ким, я хочу с тобой поговорить, пойдем, – улыбнулась доктор. – Не волнуйся, все в порядке. У меня для тебя небольшое задание.

Когда человеку говорят «не волнуйся», обычно он начинает волноваться еще сильнее. Я так точно: даже руки задрожали, а в обычно прохладном лекарском доме вдруг стало нестерпимо жарко. Если лекарь Дельвего и заметила мое состояние, то не подала виду.

В дверях я обернулась к Хейвен, которая деловито приглаживала волосы.

– Ты остаешься, – бросила я ей.

Лекарь ободряюще мне улыбнулась. Я знала, что она не видит Хейвен. Зато она видела ее портрет – моя сестра принесла по ее просьбе. Мне хотелось бы, чтобы Кристина заставила Хейвен уйти, но она почему-то не спешила, уверяя, что однажды Хейвен исчезнет сама.

– Проходи, садись. Чай и угощение для тебя, позавтракай со мной.

Как всегда случалось, я в ступоре застыла у стола. За два года в лечебнице у лекаря выработался устойчивый ритуал: послать за мной сестру-целительницу, привести в кабинет, усадить за стол, дать стакан воды. Любое отклонение от маршрута вызывало у меня панику и оцепенение.

Но сейчас на столе стояло блюдо с печеньем. Я столько раз говорила, что хочу печенья, а сейчас оно лежало прямо передо мной. И нас разделяла лишь дурацкая паника.

– Ну что случится, если ты сядешь и попьешь чаю с печеньем? – Взвзвывая из пустоты Хейвен закатила глаза.

Она понюхала угощение и мечтательно зажмурилась. А потом захныкала:

– Давай, Ким! Я хочу хотя бы посмотреть! Возьми печенье! Оно с шоколадом!

Я сглотнула слюну.

– Что она говорит, Ким? – мягко спросила лекарь Дельвего.

– Уговаривает сесть и взять печенье, – тихо призналась я.

– Что ж, не могу не отметить в ее словах рациональное зерно. Садись, Ким, нам предстоит разговор.

– Это моя сестра принесла? – Я все еще колебалась.

– Нет.

Она отодвинула кресло, приглашая сесть, и я нашла в себе силы упасть в него. Меня пододвинули к столу – несмотря на внешнюю хрупкость, Кристина Дельвего обладала поразительной силой. А может, я весила совсем немного. Во всяком случае, однажды, во время прогулки, она в одиночку вытащила меня из провалившегося пола в подвале хозяйственного корпуса, куда я забрела, стремясь убежать от Хейвен.

– Печенье, Ким, – настойчиво потребовала Хейвен.

На ощупь оно оказалось шероховатым, с гладкими вкраплениями шоколада. Мой палец был настолько горячий, что шоколад начал таять, и я испуганно отдернула руку, а палец облизала. Вкусно. Невероятный, давно забытый вкус шоколада.

Лекарь Дельвего терпеливо ждала. Еще несколько минут я колебалась, но Хейвен так кричала, что я не выдержала и отправила в рот небольшой кусочек лакомства. Тогда призрак умолк, а Кристина, удовлетворенная результатом, начала говорить:

– Как ты себя чувствуешь, Ким?

– Нормально. Голова иногда болит.

– Хорошо. Надеюсь, ты не против, что мы не одни?

Только сейчас я обратила внимание на мужчину в углу комнаты и вздрогнула, поймав взгляд холодных серых глаз. Он смотрел пристально, не мигая, проникая мне прямо в черную душу и обшаривая там каждый уголок.

– Ты помнишь Хантера? Он наблюдал тебя в первый год в больнице. Лекарь Хантер Дельвего.

– Ваш брат, – неуверенно кивнула я.

– Верно. Сегодня у нас необычная встреча, и Хантер, как глава лекарского дома, хочет лично все проконтролировать.

– Что все? – не поняла я.

Теперь его взгляд почти осязаемо касался моей кожи. Я не могла заставить себя не обращать на мужчину внимания. Он буквально притягивал взгляд. Одновременно пугал и интриговал. Я его почти не помнила.

– Я подумала, тебе уже надоело сидеть в четырех стенах. И ты не прочь... выполнить какую-нибудь работу, помочь кому-то, да? В меру своих возможностей.

Слова отозвались внутри тягучим подозрением.

– Помочь? – переспросила я.

– Следствию. Детективу. Как ты знаешь, я – маг-менталист, консультант управления стражи Хейзенвилля. Ко мне обратился детектив Ренсом с просьбой помочь в решении одной загадки. И я хочу дать кое-какое задание тебе. Как ты на это смотришь?

– Детектив Ренсом? Он пришел взамен того, кого я убила?

Кристина привыкла к моим вопросам.

– Да, что-то вроде того. Он работает над убийствами, и я полагаю, ты сможешь нам помочь.

– Над моими?

– Нет. Они произошли, когда ты находилась уже здесь.

– И как ты можешь ей помочь? – подала голос Хейвен. – Возьмешь вину на себя и обеспечишь им прибавку к жалованью?

Я мотнула головой, отгоняя ее.

– А что мне нужно сделать?

– Завтра придет детектив. Он с тобой поговорит, а потом мы пойдем погулять по городу. В процессе прогулки я буду тебя спрашивать... о разном. Простые вопросы. Следствию очень пригодится взгляд со стороны. Твой взгляд.

– И это поможет?

– Даже не сомневайся. – Кристина улыбнулась. – Так что, ты согласна?

– А моя сестра разрешит? Разве вы не должны спросить разрешения у Кортни?

– Соглашайся! – рявкнула Хейвен.

Она остановилась посреди кабинета лекарки, сложив на груди руки.

– Ты что, не хочешь гулять по городу?!

– Я все улажу, Кимберли. Не волнуйся. Если ты согласна, завтра вечером сможешь выйти и прогуляться по городу. Ты ведь об этом мечтала, правда?

– Да, – шепнула я, закрывая глаза, – согласна.

Даже в полной тьме я чувствовала взгляд менталиста, не проронившего ни слова.

И потом, через несколько часов, проводя очередную бессонную ночь в палате, я жалела, что так и не доела печенье.

Вечером принесли одежду. Ее надлежало надеть с самого утра, после завтрака. И быть готовой в любую минуту. Лекарка Дельвего обещала за мной зайти.

Я переоделась в полночь.

– Это даже не платье! – скривилась Хейвен. – Ты посмотри! Это штаны!

К штанам прилагалась белоснежная новая рубашка, а еще куртка, немного не в размер. Наверное, она довольно несуразно болталась, скрывая фигуру и делая меня похожей на ребенка. Но мне понравилось. В лечебнице носили только одинаковые серые платья, которые надоели уже через пару недель. Жаль, в палате нет зеркала. Я с тоской ощупала спутанные волосы. Расческу мне тоже давали под присмотром.

Спать не получалось. Я села в углу палаты, чтобы можно было, задрав голову, видеть в зарешеченном окне луну. Сегодня она оказалась необычайно яркой. Я погрозила ей кулаком и отвернулась. Проклятая луна, ее свет всегда вызывал необъяснимую тревогу.

Хейвен бегала по палате. Я вдруг задумалась, почему она никогда не летает? Привидения ведь должны летать над землей, а не ходить по полу. Во всех книгах, что я прочла до болезни, их описывали именно так.

Впрочем, если бы Хейвен видели другие – лекари и больные, – я бы даже не поняла, что она давно мертва, такой обычной она казалась. Ну, это если бы не помнила, как ее убивала.

Я помнила.

– Ты же понимаешь, что тебя не выпустят насовсем? – вдруг остановилась Хейвен. – После прогулки мы сюда вернемся.

– Когда ты уйдешь?

– Когда надо будет. Я же не знаю, почему я к тебе привязана.

– Потому что ты не существуешь. Я тебя придумала. От тоски и одиночества. А еще потому, что я больная. Тебя. Не. Существует.

Хейвен захныкала, села в противоположном углу, зажав уши, и начала раскачиваться. Она всегда так делала, когда я на нее кричала. Словно маленькая девочка. А ведь, когда она умерла, ей было около двадцати шести.

– Не! Существует!

– Кимберли! – раздался голос сестры-целительницы.

– Извините! – прокричала я в ответ. – Мы больше не будем.

А для Хейвен все-таки еще раз прошептала:

– Не существует!

Когда Хейвен расстраивалась, мы часами сидели молча. И если отвернуться, можно было сделать вид, что Хейвен здесь нет, я по-прежнему одна. Эта иллюзия позволяла на время забыться.

Мне вспомнился первый раз, когда она появилась. Я увидела ее на завтраке. Хейвен стояла вдалеке, неотрывно глядя на меня. А потом, подойдя, спросила:

– Привет, это ты меня убила?

Потом я потеряла сознание, а когда очнулась, она уже поселилась в палате. С тех пор почти два года мы не расставались. И несмотря на то, что частенько я приказывала ей навсегда уйти, Хейвен не слушалась. И в некоторые моменты я была даже рада ее присутствию. Кристина говорила, через Хейвен со мной говорит подсознание. А по мне, лучше бы оно молчало.

Перед завтраком пришла новая сестра-целительница. Она не слышала, как я кричала ночью, поэтому улыбалась.

– Я принесла для тебя сапожки, Кимми! Они чудесные.

– А завтрак? – нахмурилась я.

– Лекарь Дельвего велел привести тебя одетую к воротам, едва ты проснешься. На завтрак сегодня нет распоряжения.

– Ну вот, – надулась Хейвен, – мне это уже не нравится. Давай останемся?

– Ты же вчера уговаривала меня пойти!

– Я передумала!

– Вот и отлично, мне все равно плевать.

Сапожки были действительно чудо как хороши. С аккуратными бронзовыми заклепками, идеального размера, с блестящими новенькими кожаными пряжками.

– А причесаться? – попросила я.

Но щетки у сестры-целительницы не оказалось, а стрелки часов приближались к семи. Мы вышли на холодный весенний воздух, и я с любопытством рассматривала капельки росы на жухлой траве. Я так давно не видела росу, что забыла, как она пахнет. Ярko и свежо. Это был запах утра.

Меня не торопили, но в воздухе витало напряжение: Кристина явно просила привести меня как можно скорее. Однако я чувствовала, что, если буду торопиться, снова впаду в ступор. Я не выходила за пределы лечебницы два года, и сама мысль о том, чтобы снова войти в город, вызывала дрожь. Я была уже на грани.

И наконец переступила ее: словно налетев на невидимую стену, остановилась.

– Не пойду, – прошептала я.

– Что?! – Хейвен будто и забыла, что всего пару минут назад уговаривала меня не ходить. – Ким!

– Не пойду. Не пойду, Хейвен. Туда нельзя.

– Почему?

– Просто нельзя. Я чувствую, там... что-то плохое. Я всегда чувствую плохое.

Хейвен нетерпеливо притоптывала у входа в сад.

– Тогда надо выйти и проверить. Идем, Ким...

Она отступала назад, протягивая мне руку. С каждым шагом все отдалялась и отдалялась. Словно растворялась в утреннем тумане.

– Хейвен! – крикнула озадаченная я.

– Идем! – прошелестела листва. – Иначе так никогда и не узнаешь...

Хейвен скрылась среди деревьев, а я словно очнулась. Не обращая внимания ни на лекарку, ни на собственный дикий страх, я рванула вперед. Но Хейвен нигде не было. Она никогда не уходила! Никогда меня не оставляла! Даже в те дни, когда я считала, будто ее нет, и надеялась, что это закончилось, она незримо была рядом, а сейчас я ее совсем не чувствовала.

Я выскочила за ворота. В обычное время за это полагалось немедленное оглушающее заклятие, но сейчас почему-то ничего не случилось. Я сотни раз проигрывала в голове этот момент и сотни раз погибала, пытаюсь вырваться на свободу. Все сны кончались здесь, за воротами «Хейзенвилль-гард». Но сейчас вместо оглушающей тьмы я увидела... улицу.

Безлюдную, поросшую вдоль обочин травой. Уходящую вдаль, теряющуюся в тумане. Обрамленную, словно темной тесьмой, лесом.

Хейвен не было. И не было еще кое-чего очень важного: страха оказаться за пределами лечебницы. И пусть то был совсем небольшой и глупый страх, самый незначительный из многих, я почувствовала, как дыхание становится глубже.

– Кимберли? С тобой все в порядке? – услышала я голос Кристины.

Будто над ухом кто-то щелкнул пальцами. Я очнулась от полусна и резко обернулась.

Кристина и ее брат не сводили с меня глаз.

К нам уже спешила грузная сестра-целительница. Она изо всех сил старалась поспевать, но куда там – я всегда была самой быстрой среди ровесников и за два года взаперти не растеряла навыки.

– Простите, господин Дельвего, – запыхавшимся голосом проговорила женщина, – она так побежала, я не успела...

– Просто хотела скорее увидеть, что за воротами, – поспешно оправдалась я.

Кристина долго смотрела мне в глаза, ища агрессию или приступ паники. И наконец медленно кивнула.

– Можешь идти, – бросил сестре-лекарке Хантер.

Та поспешила подчиниться, наверняка радуясь, что так легко удалось избежать нагоняя.

Я не сразу заметила еще одного спутника Кристины. А когда заметила, начала пристально рассматривать.

Мужчина обладал мощным телосложением. Очень мощным – на его фоне я смотрелась просто несурзным подростком. Черные волосы он стриг очень коротко, а серые глаза – почти такие же серые, как у Хантера, – смотрели враждебно. Он рассматривал меня с явным неодобрением, глядя сверху вниз. Впервые в жизни я была не прочь поговорить с Хейвен. Он бы ей понравился?

– Вы кто? – спросила я.

– То же самое я спрошу у тебя, Кристина. Кто это?

– Кимберли, познакомься с детективом Аланом Ренсомом. Алан, это Кимберли. Моя пациентка.

– Кристина, ты это всерьез? Я думал, мы ждем твоего коллегу. Как сумасшедшая девочка может помочь мне в расследовании?

Мне и самой хотелось это знать, поэтому я поступила как всегда – слилась с пейзажем, сделалась тенью и наблюдала.

Сколько секретов, тайн и загадок можно узнать, всего лишь наблюдая. Когда никто не замечает твоего присутствия, когда для всех ты – маленькая тихая девочка Кордеро, неспособная обидеть и муху. Наблюдать – вот самая интересная часть игры. Смотреть, как жертва в отчаянии мечется, упиваться ее страхом и собственной властью.

Я скучала по этому чувству почти так же, как по кофе.

– Ким?

Я вынырнула из размышлений.

– Ты готова нам помочь?

Провалы в памяти – штука сама по себе мерзкая, а на свободе особенно. Я хотела запомнить каждую минуту этой прогулки.

Взгляд неизменно возвращался к Алану. Он сторонился меня, но не боялся. Не было страха перед душевнобольными, как у прочих. Было отвращение и... гнев? Я с удивлением уловила гнев. Ненавидит психов. Нет, убийц. Ненавидит убийц и поэтому их ловит – классический мотив детектива. Ненавидит, потому что кого-то потерял.

– Кого у вас убили? – Слова сорвались с губ прежде, чем я успела их обдумать.

– Ким... – вздохнула Кристина.

Глаза Алана потемнели.

– Я знаю. Кого?

Он отвернулся. Кристина укоризненно и в то же время с жалостью покачала головой. Я лишь пожала плечами. Мне не было интересно. Просто спросила.

Все вместе мы направились вперед по дороге. Лечебница располагалась вдали от города, омнибусы ходили редко, и, чтобы добраться до Хейзенвилля, приходилось преодолевать значительное расстояние пешком. Я готова была останавливаться у каждого дерева, наслаждаясь первой за два года прогулкой. Но приходилось почти бежать за Кристиной и Аланом. Хантер шел чуть позади, будто боялся, что я отстану. Я постоянно оборачивалась, словно надеялась, что он – галлюцинация, такая же, как мертвая Хейвен.

Где-то на середине пути я заметила странное. Мои спутники негромко разговаривали, но несмотря на то что я шла меньше чем в метре от них, ничего не могла разобрать. Присмотревшись, я увидела завесу – тончайшую пленку магии, ограждающую собеседников от любопытных ушей. А еще через минуту вдруг осознала, что слова постепенно обретают смысл, слышатся все громче и громче. Мне стоило немалых усилий не подать виду.

– ...Двенадцать. И я не понимаю, как его найти. Я обратился к тебе, Кристина, надеясь, что ты поможешь. А ты используешь меня для эксперимента над пациенткой.

– Алан, я и пытаюсь тебе помочь. Я сказала все, что могла. Это не просто убийства ради убийств, у него есть какая-то цель. Он осторожен, действует эстетично. Если и получает от убийства удовольствие, то тщательно это скрывает.

– Я читал твой отчет, – нетерпеливо перебил ее Алан. – При чем тут эта Кимберли? Ты выпустила на свободу опасную убийцу!

– Ким не убивает просто так, она не опасна. Она расправлялась с последствиями нанесенной ей в прошлом травмы.

– Какой?

– Не знаю, – честно призналась лекарь. – Мне так и не удалось до нее достучаться, эти воспоминания слишком глубокие. Но тем не менее, пока она под присмотром, она безопасна. Ким тоже не получала удовольствия от самого убийства, ее интересовала игра. То, что она получала после совершенного преступления, – это цепочка событий, возможности для манипулирования.

– Действительно, – фыркнул Алан. – Милая девчушка. Она точно нас не слышит?

– Разумеется, я поставила завесу. Ким может помочь нам выяснить что-то о твоём убийце. А мы можем помочь ей разобраться с внутренними демонами. Алан, пожалуйста, не обижай ее. Во многом мои девочки – жертвы, а не охотники.

– Убийцы?

– Они больны. В их голове, магии, жизни что-то пошло не так, и преступления лежат на совести тех, кто с ними это сделал. Ким сильная и способная, у нее значительный прогресс.

Она поступила к нам после того, как пыталась убить сестру. Ни с кем не говорила, ничего не ела, игнорировала внешний мир. Только напевала какую-то детскую песенку.

Кристина перевела дух, обернувшись, и я сделала вид, будто поглощена рассматриванием леса. При мне еще никто не рассказывал, как я попала в больницу. Много из того времени я просто не помню.

– Потом у нее появилась Хейвен – что-то вроде воображаемого друга. Хейвен перенесла на себя все, что пережила Ким. И та начала общаться с врачами, чем-то интересоваться, принимать пищу, наконец. Сейчас она, конечно, нездорова – да и вряд ли когда-то будет. Но контактна и в целом довольно здраво мыслит. В любом случае я всегда буду рядом.

Алан сдался:

– Хорошо, поступай как знаешь, Кристина. Если это поможет – я готов сотрудничать с самими демонами из ада.

– Ким, – лекарь повернулась ко мне, и завеса спала, – давай я расскажу, что происходит. Недавно в Хейзенвилле произошло несколько преступлений, предположительно совершенных ментальным магом. Детектив Ренсом ищет убийцу. Все началось двенадцать дней назад, так что у нас не так уж много времени до нового убийства. Жертвы не связаны между собой, не были знакомы, не имеют общих черт. И детектив Ренсом в тупике. Мы надеемся, ты сможешь... обратиться к своему прошлому, чтобы разобраться в настоящем, понимаешь?

– Потому что я такая же, как он? – спросила я.

Кристина замялась.

– Да, Ким. Я думаю, вы похожи.

Я удовлетворенно кивнула. Вряд ли бы мне захотелось ей помогать, если б она соврала.

– Хорошо. Я попробую. Что мне делать?

– Для начала, – лекарь улыбнулась, – выбери в Хейзенвилле место, где ты хотела бы позавтракать. И там поговорим.

– «Кондитерская Аделины», – не раздумывая, ответила я. – Там очень вкусно.

Алан Ренсом скептически хмыкнул. Я сдержала улыбку. Он был прост, слишком прост, чтобы на него злиться.

– Тогда направляемся туда, – решила Кристина. – И поговорим.

Вдалеке зазвенел колокольчик омнибуса. Я повернулась, готовясь впервые за долгие месяцы встретиться лицом к лицу с кем-то вне стен больницы.

«Кондитерская Аделины», несмотря на внешнюю скромность, была любима многими жителями Хейзенвилля. Здесь пекли чудесные булочки, подавали сытные завтраки и в любое время дня и ночи без ограничений наливали кофе.

Я выбрала это место по двум причинам. Первая – у детективов и лекарей никогда не бывает слишком много денег, вряд ли Кристина, Хантер или господин Ренсом станут угощать меня в ресторане. Вторая – сюда никогда не ходят господа, которые могут меня узнать.

Пахло просто потрясающе! Мы вошли в тесное помещение с развешенными по стенам пейзажами, что рисовала сама Аделина – владелица кондитерской. Я сразу направилась к дальнему столику, чтобы не встречаться со знакомой хозяйкой, если вдруг она сегодня сама обслуживает посетителей.

И через пять минут Хантер принес поднос, на котором стояла чашка вожделенного кофе и целая гора всевозможной выпечки. Там были и сэндвичи, и сладкие булочки, и печенье. Я чувствовала на себе настороженный взгляд Кристины. Она явно опасалась повторения сцены в ее кабинете, когда я не смогла съесть печенье.

Но... без Хейвен, в непривычной и в то же время до боли знакомой обстановке я чувствовала, что до грани еще далеко.

– Приятного аппетита, – улыбнулась лекарь.

Алан Ренсом хмурился. Похоже, это было его обычное лицо – суровое и неприязненное. А вот Хантер, казалось, не проявлял к происходящему никакого интереса. Он не обмолвился с сестрой и детективом и словом с тех самых пор, как мы вышли из лечебницы.

– Сестра знает, что вы меня увели? – спросила я, вгрызаясь в сэндвич.

– Это та самая, которую ты пыталась убить? – хмыкнул Алан.

Кристина шикнула на него, на миг прикрыв глаза, будто от усталости. Я неспешно прожевала кусок и кивнула.

– Да. Сначала я хотела ее застрелить, а потом заперла в склепе, потому что она не отдавала мне кое-что важное.

Серые глаза стали чуточку темнее.

– Ким, – мягко одернула меня лекарь. – Алан, я прошу тебя. Отнесись к ней терпимее.

– Как он их убивает? – спросила я. – С чего вы взяли, что я могу помочь?

– Выжигает мозги. Менталист, – буркнул детектив. – Выжигает и оставляет жертву мучиться.

– Не добивает? – Я засмотрелась на свисающее с люстры украшение. – Тогда он не убийца.

Детектив хрипло рассмеялся.

– Вот так, Кристина, ты слышала? Твоя ручная психопатка говорит, он не убийца. Закрываем дело, приносим извинения подозреваемым. Seriously, мы теряем время. То, что эта кукла поехала крышей и прикончила подружку, не значит, что она может проникнуть в разум серийного убийцы. Она в своем-то не способна разобраться.

Я терпеливо дождалась конца язвительной тирады.

– Вы убивали людей, Алан? – спросила я его, пристально глядя прямо в глаза.

Он ответил без страха, лишь с ненавистью и презрением.

– Полагаю, убивал, – холодно сказал он.

– Это было вашей целью? Убить? Лишить жизни? Было?

– Нет, обычно я или защищался, или предотвращал преступление.

– Значит, вы не убийца.

Я замолчала, обдумывая сказанное и услышанное. Где-то неподалеку громко тикали часы, напоминая метроном в кабинете лекаря. От этого звука немного хотелось спать.

– И кто же он, раз не убийца? – поинтересовался детектив.

– Не знаю, – чуть улыбнулась я. – Но у него есть цель. Ментальная магия – сложная наука, детектив. Она многих заставляет ломать голову. А многих сводит с ума.

Ренсом скривился и поднялся, да так резко, что посуда жалобно звякнула от толчка.

– Кристина, разговор бесполезен. Я прошу прощения, что отнял у тебя время. Безмерно был рад познакомиться с Кимберли, но работа – спешу. Приятного аппетита, дамы, не обижайте чудесную хозяйку пренебрежением к ее труду – не оставляйте ни крошки.

– Терпение, Алан, – искусство, которым ты так и не смог овладеть, – улыбнулась Кристина. – Удачного дня. Жаль, что не смогла тебе помочь. Ты не дал шанса.

Дверь за детективом захлопнулась, но женщина за стойкой даже не повернула головы. Я пожала плечами и вопросительно посмотрела на Кристину. Мы вернемся в лечебницу? Об этом я думала с сожалением.

– Не расстраивайся, – ободряюще сказала она. – Ты хорошая девочка. Просто Алан не привык к таким, как ты. К тому же профессия накладывает отпечаток.

– Я больна.

– Одна из немногих, кто это понимает.

– Он вернется.

– Что? – Кристина замерла.

– Детектив вернется. Можно мы возьмем с собой остатки? Я хочу съесть их вечером. Можно?

– Конечно, дорогая. Допивай свой кофе, мы не спешим.

Я смотрела поверх ее плеча, туда, где на стене висела большая деревянная доска для рисования мелом. Гости оставляли на ней отзывы и благодарности, а дети рисовали, пока ждали родителей, поэтому на доске всегда была мешанина почерков, рисунков, каляк и пятен.

– Можно? – спросила я.

Кристина кивнула, поднимаясь.

Я прикоснулась к холодному мелку, покатала его в руке, наблюдая, как на коже остаются белые следы. Рука дрожала, когда я выводила буквы. Как давно я не писала! Буквы получались неровные и какие-то карикатурные:

«Смерть не конец пути. Для убийцы это только начало. К.»

Я положила мелок обратно и повернулась к Кристине. Та задумчиво рассматривала надпись, словно что-то вспоминая.

– Идем?

– Идем, – согласилась она.

На улице начинался дождь. Мы прождали омнибус лечебницы очень долго, я успела вымокнуть. Но ничто не могло заставить меня отвести взгляд от серого неба, с которого лилась вода. Я помнила, что в Хейзенвилле постоянно шел дождь, но никак не могла вспомнить ощущение, когда холодные капли падают на лицо.

Кристина почти силком затащила меня в омнибус. Мы сели на самые задние места, несмотря на то что, кроме нас, пассажиров не было. Экипаж медленно двинулся вдоль узких хейзенвилльских улочек. Я смотрела на знакомые пейзажи и чувствовала себя – впервые за долгое время – живой.

И вдруг – словно удар в солнечное сплетение – я увидела девушку. На противоположной стороне дороги. Она сидела на скамейке перед банком, листая свежую газету. Вероятно, ждала, когда закончится дождь, – при ней не было зонта.

– Кортни! – прошептала я.

И закричала так, что Кристина вскочила:

– Кортни!

– Ким! Прекрати! – раздался строгий голос Хантера Дельвего.

Но я уже не слышала ничего, кроме бешено бьющегося сердца. Я рванулась к дверям и выскочила прямо на дождливую улицу. Рванулась вперед, к сестре, набирая в легкие воздух, чтобы закричать. Но почувствовала, как слабеют ноги и сознание ускользает прочь.

– Кимберли, – из тумана донесся мужской голос, – расслабься.

Выбора уже не было. Не успела.

Сильные руки обхватили меня за плечи. Я дернулась, истратив остаток сил на глупую попытку вырваться.

– Ким. На сегодня хватит. Сейчас ты успокоишься и уснешь.

Я силилась найти взглядом Кристину, но не видела ничего, кроме колдовских серых глаз менталиста. Они затягивали в бездонный омут, заглушали звуки внешнего мира и забирали его краски. Ноги подкосились, но Хантер не дал мне упасть, мягко подхватив на руки.

Показалось, перед обмороком я поняла что-то очень важное.

Но не успела осознать.

Год назад

– Господин Дельвего, – сестра-целительница передала мне папку, – мы ждем вас несколько часов.

– Что-то срочное?

Ему совсем не хочется сейчас заниматься делами «Хейзенвилль-гард». Хантеру Дельвего плевать на вверенную городом лечебницу, как и на всех этих воюющих в коридорах безумцев. Когда-то он верил, что сильный ментальный дар – ключ к разгадке тайн безумия, но жизнь умеет разочаровывать. Порой казалось, он застрял в одном-единственном дне.

– Мы так и не смогли достучаться до новенькой. Кимберли Кордеро, вот история болезни. Она ничего не ест, отказывается от воды и почти не спит. Ее сестра...

– Да, Кордеро, я знаю.

Все в Хейзенвилле знают семью Кордеро. Как иронично, что у одной из их наследниц поехала крыша. Хантер не застал Карла Кордеро, но слухи о нем ходили даже в Даркфелле.

– Ее сестра дала добро на ментальное вмешательство. Они хотят сохранить ей жизнь.

Как и все эгоисты. За свою карьеру ментального лекаря Хантер общался с тысячами безумцев, и никто из них не желал для себя такой жизни. Но, по иронии судьбы, они не имели права этой жизнью распоряжаться.

– Хорошо. Приведите ее в кабинет, я займусь.

– Да, господин Дельвего. Должна предупредить: девушка может быть опасна. На ее счету три убийства и несколько покушений.

– Я справлюсь, – натянуто улыбается он. – Приведи.

Через полчаса Кимберли сидит в углу его кабинета, пустым взглядом буравя стену. А он задумчиво рассматривает ее, отстраненно отмечая былую красоту. Когда-то она определенно была хороша: длинные светлые волосы, огромные глаза, похожие на кукольные, милое личико и фарфоровая нежная кожа.

Ким напоминает ему свою сестру.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает он.

Девушка молчит.

– У меня тут твоя история болезни. Впечатляет. Ты устроила сестрам настоящий ад. Я даже восхищен. Не поделишься, за что ты их так возненавидела?

Для нее его, кажется, вовсе не существует. Хантер со вздохом откладывает в сторону бумаги. Часа слишком много: несколько минут ментального воздействия – и Ким превратится в живую куклу, способную лишь отстраненно выполнять чужие приказы. Из этого состояния нет выхода, для него не существует исцеления.

Это тоже всегда казалось ему эгоистичным: запереть больную душу внутри, обрекая на вечные муки. Даже боги не знают, что скрывается за таким желанным внешним спокойствием безумца.

– Ким, – он подходит ближе и опускается на корточки рядом с ней, – я знаю, что ты понимаешь меня. Буду с тобой откровенен: я должен сделать нечто очень неприятное и необратимое. Таковы правила. Когда пациент отказывается от еды и медленно убивает сам себя, мы подвергаем его ментальному воздействию. Оно сотрет тебя, Ким, оставит только пустую оболочку. Но это вовсе не смерть. Не желанное избавление от страданий, это много хуже. Пустота. Твои страхи, от которых невозможно сбежать. Твои самые худшие воспоминания, которые ты проживаешь раз за разом без возможности сбежать. Если я это сделаю, ты навсегда окажешься во тьме. Мне бы этого не хотелось.

Он протягивает руку и убирает с ее лица волосы.

– Я знаю, что ты умная девушка, Ким. И я думаю, мы сможем подружиться.

Глава 2

– И что ты такое сделала, что оказалась здесь? – раздался над ухом ехидный голос Хейвен. – Покусала красавчика-детектива?

Меня поместили в одиночную камеру размером едва ли больше постели, которая в ней стояла. Узкой и твердой постели, где не было даже подушки. Из-за этого болела голова, а на губах ощущался горьковатый привкус лекарственных зелий.

– Устроила истерику в омнибусе, – простонала я. – Как хочется пить. Сколько времени?

– Середина ночи.

Значит, воды не дадут до утра. Что ж, веселая выдастся ночь.

– А истерика была хотя бы достойная?

– Не очень. Я видела Кортни.

– А, эту напыщенную стерву.

– Она не напыщенная и не стерва, – возразила я собственной галлюцинации.

– И почему тогда она ни разу тебя не навещала?

Я промолчала, уставившись в стену. Все равно я надолго запомню эту вылазку. Даже стало как-то легче, увидев жизнь, которая не остановилась с начала моего заключения. И пусть Кристина больше никогда не попросит о помощи, я сохраню в памяти запах кондитерской, ощущение дождя на лице и мела на пальцах.

– А где ты была? – спросила я.

– Не знаю. – Хейвен пожала плечами. – Где-то.

Вдвоем нам было тесновато, хоть я и знала, что не могу прикоснуться к Хейвен – она не имела плоти. Но все равно ходить через призму казалось диким. Я сползла с жесткой койки на мягкий пол. Парадокс – пол в камерах мягкий, чтобы мы не бились об него головой, а койки жесткие. Что ни говори, мне больше нравилась моя камера, там можно было спать везде, в любом положении и месте.

– Как думаешь, почему он их убивает? – вдруг спросила Хейвен.

– Не знаю. Может, кому-то мстит. Может, кого-то ищет. Может, что-то забирает. Не знаю. Мне неинтересно.

– Врешь.

Хейвен легла на койку. Она всегда была одета в один и тот же костюм для верховой езды. Разве что не хватало шлема, да куртка осталась лежать где-то в гостиной дома. Там, где я ее убила.

– А если детектив не вернется, что будешь делать тогда?

– Хейвен, я не знаю, отстань! Я не хочу, чтобы он возвращался.

– Но ты хочешь еще разок выйти.

Девушка свесилась с койки и заговорщически прошептала:

– А давай притворимся, что ты что-то знаешь? Они будут тебя выпускать!

– Кристина, как и ее брат, – менталист. Думаешь, она не поймет? Знаешь, я устала, я буду спать. Сделай одолжение, помолчи для разнообразия.

Хейвен насупилась, но заткнулась, и я погрузилась в спасительную тишину. Можно было не думать, не вспоминать и не представлять. Спать не хотелось, но, чтобы Хейвен не доставала, я сделала вид, будто заснула.

Дверь камеры вдруг приоткрылась, впуслав слабую полоску света. И зачем меня здесь запирают? Для других пациенток это еще имеет смысл: все живут по двое или по трое. Меня переводить из одиночной камеры в камеру поменьше довольно скучно.

– Ким, у тебя посетитель.

На удивление, пришла не сестра-лекарка и не охранник, а сама Кристина. Я зажмурилась от света, ставшего ярче, и поднялась. Потом вдруг поняла, что Хейвен снова нет. И успела лишь мельком удивиться.

Потому что затем все смешалось.

Надежда.

Сестры? Меня еще никто не навещал с тех пор, как я попала сюда.

Удивление.

Почему ночью? В это время не пускали посетителей.

Разочарование.

Это не сестры, а, скорее, заносчивый, хамоватый детектив.

Это разочарование так испортило настроение, что когда я вошла в комнату для свиданий, даже не взглянула на Ренсома и равнодушно скользнула взглядом по Хантеру у дальней стены. Охранник усадил меня на стул и выжидающе посмотрел. Нехотя я протянула руки, и на запястьях сомкнулись кандалы. Впрочем, это было лишним в комнате с двумя магами, один из которых сильнейший менталист.

Впервые в жизни я рассматривала комнату для свиданий. Ничего особенного она собой не представляла: полутемное помещение, посередине низенький стол с отполированной множественностью рук столешницей. Выходов два: один для посетителя, второй для пациента, и у обоих стоит охрана.

Я удивилась, когда Ренсом поставил для охранников завесу. Ждала, что те его одернут или Хантер потребует снять заклятие, но, похоже, они уже обсудили этот момент.

– Обычно люди извиняются, когда посреди ночи поднимают кого-то для разговора, – сказала я.

– Обычно я даже не разговариваю с такими, как ты.

– Зря идешь против принципов.

Я поднялась, повернувшись к охранникам, чтобы они увели меня в палату. Но... они остались безмолвными и неподвижными.

– Ким, сядь, – мягко произнес Хантер, но в его голосе на секунду прозвучали стальные нотки.

– Я предполагал, что твое хорошее настроение от прогулки испарится. Кристина предупредила, что иногда ты бываешь... агрессивна.

– А она не предупредила, что среди моих жертв был детектив? – улыбнулась я.

– Он снова убил. Я хочу, чтобы ты еще подумала над мотивами и целями.

– Катись.

– Ты невменяемая.

– Это не новость в наших краях, придумай что-то еще.

Ренсом полез во внутренний карман куртки, и я напряглась. Но детектив извлек небольшой серебряный портсигар и толкнул ко мне. Я поймала и почувствовала тонкий запах табака.

– Это первое, что я хочу тебе предложить.

Никогда не любила сигары и в юности не курила. Но сейчас почему-то очень захотелось, и я повременила уходить. Ренсом помог мне закурить, но сам не стал.

От едкого горького дыма я закашлялась. В голове немного прояснилось.

– Ты написала кое-что на доске в кондитерской. Зачем?

Я пожала плечами, выпустив колечки дыма.

– Я всегда так делаю. Пишу записочки. Пугаю людей.

Ренсом смотрел с отвращением, которое плохо пытался скрывать. Я же готова была рассмеяться. Сигара медленно тлела в руках, и дымок, поднимающийся от кончика, завораживал.

– Что ж, его ты не напугала. Скорее заинтриговала. Он убил хозяйку. И оставил для тебя вот это.

Ренсом вытащил небольшую коробочку, напоминающую ювелирную, только чуть больше размером. Я замерла, и впервые рука с сигарой дрогнула. Я не спешила брать предложенное. Долго смотрела на красный бархат и гадала, чем аукнется мне эта история.

Потом все же взяла. Хуже быть не могло.

В коробочке оказался небольшой цветок, красивый, с красными шелковистыми лепестками и сочными зелеными листьями. Мастерская миниатюрная копия цветка кордера. Но едва я коснулась цветка, тот сразу же почернел и опал. В нос ударил легкий запах гнили, в ярости я отбросила шкатулку и ударила по столу рукой.

Охранники бросились ко мне, но Хантер жестом их остановил.

– И третье, – как ни в чем не бывало продолжил детектив, – я хочу предложить тебе выйти со мной на сутки и посетить места преступлений. Он клюнул на тебя. Я хочу это использовать. А ты получишь возможность гулять и вкусно есть за мой счет.

Он улыбнулся, и мне вдруг захотелось стереть эту улыбку с лица детектива.

– Воспоминания об этом деле скрасят тебе остаток жизни.

Я вернулась к сигаре, которая, на удивление, не потухла.

– Не боишься оставаться со мной наедине? Я ведь ненормальная.

Ренсом поднялся и подошел к моему стулу. Обоняние учуяло тонкий запах его парфюма. Приятный, тяжелый аромат. Я не двинулась с места, лишь подняла глаза.

– Ты ведь не знаешь, насколько нормален я, – сказал Алан.

И уже у выхода, намереваясь закрыть дверь, обронил:

– У тебя час, Кордеро. На размышления и сборы. Второй раз я не приду.

– И почему он ведет себя так, словно это мне хочется ему помогать? – задумчиво спросила я у охранника.

Тот, конечно, ничего не смог ответить.

* * *

Детектив солгал: он дал меньше часа. Наверное, не допускал даже мысли, что я откажусь, потому что почти сразу же, как мы с Хейвен вернулись в палату, сестра-целительница принесла стопку одежды.

– Не хочешь ничего мне рассказать? – обиженно спросила Хейвен, пока я одевалась.

– Что, например?

– Убийца прислал тебе цветок кордера. Ты его знаешь?

– Нет. – Я пожала плечами. – Но он знает меня.

– И тебе неинтересно откуда?

– Обо мне писали газеты. Наследница рода Кордеро оказалась сумасшедшей убийцей. Это сенсация. Любой мог прочесть.

Хейвен вдруг расхохоталась. Ее смех эхом прокатился по пустым коридорам лечебницы. Я знала, что никто, кроме меня, ее не слышит, но все равно вздрогнула и на секунду испугалась, что сейчас придет дежурная сестра и запретит мне идти с Ренсом.

А значит, решение было принято: я выхожу на свободу.

Пусть ненадолго, пусть лишь чтобы остановить такого же монстра, как и я сама. Но это несколько сладких дней на свободе и... новая игра, мысли о которой будоражат.

Я прислонилась лбом к холодной двери камеры, чтобы успокоиться.

Нет, Ким, нет. Игры закончились. Посмотри, что бывает, когда проигрываешь. Посмотри, где ты оказалась. Запертая навечно с мертвой девушкой.

– Почему я вижу тебя, а других нет? – спросила я.

– Других? – Хейвен нахмурилась.

– Я убила троих. Тебя, маму и детектива. Почему они не приходят?

– Не знаю. Помнишь, что говорил лекарь Дельвего?

– Хантер? Я вообще его не помню. Кристина говорит, он лечил меня. Но я словно... словно не встречалась с ним раньше. Интересно, почему?

«Провалы в памяти неслучайны, Ким. То, что с тобой произошло, не способен выдержать человек. Твоя магия сходит с ума, блокирует воспоминания о прошлом. Потому что иначе они обрушатся на тебя со всей тяжестью и уничтожат».

Его голос был так реален, что я даже обернулась в поисках лекаря. Но Хантера в палате не оказалось, да и Хейвен куда-то исчезла. Я с силой давила на виски, пока не потемнело в глазах.

С каждым днем мне все хуже и хуже. Граница между миром галлюцинаций и миром реальности стирается, воспоминания тускнеют. Я почти не помню лиц сестер, лишь слышу иногда их голоса. Не помню дни здесь, в лечебнице. Говорят, лишенный магии обречен медленно умирать, теряя себя. Говорят, зелья и ментальные заклятия, что используют на нас, разрушают личность. Такие, как я, не живут здесь дольше пяти лет.

Безнадежные. Изгнанные из мира нормальных людей.

Убийцы, насильники, психопаты.

Меня лишили магии два года назад. Время неумолимо вело отсчет.

Я почти ждала, когда стрелки на этих часах остановятся навечно.

Дверь вдруг скрипнула, и в темную палату проникла полоска тусклого света. Я отпрянула, ожидая увидеть сестру-целительницу, Кристину или охранника, но... никто так и не вошел.

Сердце билось так быстро, что мне не хватало воздуха, а Хейвен, как назло, куда-то пропала. Первые несколько шагов дались с невероятным трудом.

Тук-тук, за окном

Тихо плачет навь.

Мой собственный голос звучал откуда-то издалека.

Старый дом, старый дом,

Сон ты или явь?..

Собравшись с духом, я решительно вышла в коридор, намереваясь привлечь внимание охраны, но он был совершенно пуст.

Тук-тук, медленно

Открываю дверь.

Ряды одинаковых зарешеченных окошек палат, слегка подрагивающий тусклый желтый свет. И круглое окно в самом конце. Я никогда не видела его ночью, а днем оно казалось не таким жутким. Сейчас в него смотрела проклятая луна.

Старый дом, старый дом —

Ты ему не верь...

Кроваво-красные буквы ярко выделялись на светлой стене:

Тук-тук, ветер здесь,

Он стучит в окно.

Темная фигура: бесформенная, уродливая, словно сотканная сразу из всех моих кошмаров, – ярко выделяется, подсвеченная предательницей-луной.

*Обернись, ведь тебе
Жить не суждено.*

Старая детская песенка, неизвестно откуда появившаяся в моей голове, звучала по-особенному мрачно сейчас, когда я не отрываясь смотрела на силуэт в конце коридора. Темный плащ полностью скрывал человека... нет, существо – человеком эта тварь не могла быть по определению. Но я знала, что оно смотрит. Знала, что если пошевелюсь, то произойдет что-то непоправимое.

Как будто так уже бывало.

Как будто так было всегда.

Оцепенение спало, и я сделала единственную вещь, казавшуюся логичной: попыталась вернуться в палату. Часть меня – та, которая еще сохранила остатки разума, – понимала, что происходящее лишь ночной кошмар и все, что нужно сделать, – это проснуться. Другая, ведомая инстинктами, как испуганный зверек, бежала прятаться в палату. Как будто железная решетка могла защитить от чудовищ, порожденных разумом.

– Кимберли!

Пятясь и не сводя взгляда с темной фигуры у окна, я врезалась в кого-то спиной. От неожиданности вскрикнула, оступилась и едва не упала на холодный каменный пол, но Хантер Дельвего успел подхватить меня прежде, чем это случилось.

– Что ты здесь делаешь? Почему ты не в палате?

Я обернулась к окну, чтобы удостовериться: призрак исчез. Как и всегда бывает, столкновение с реальным миром на некоторое время вырвало меня из власти болезни.

Но скоро все повторится. Снова и снова, пока я не потеряюсь окончательно и от прежней Ким не останется пустая оболочка. Пока кошмары не сожрут привычный мир и не превратят его в кривое отражение кровавого прошлого.

– Кто-то открыл дверь... – пробормотала я.

Двери не открываются сами по себе. Когда я играла с сестрами, я делала это десятки раз.

А теперь кто-то играет со мной?

– Я разберусь, – сказал он. – Идем, нам пора.

– К детективу Ренсому?

Хантер бросил на меня задумчивый взгляд.

– Да. К детективу Ренсому. Нужна твоя помощь, Ким. Нужно поймать того, кто держит Хейзенвилль в страхе.

– Жаль, что это не я. – Моих губ коснулась улыбка. – Вы бы справились быстрее.

Будь я чуть умнее или удачливее, мои сестры были бы мертвы.

Хейзенвилль – холодный город. Тусклый, дождливый, старинный и мрачный. Я редко покидала его пределы, но когда это все же случалось, то казалось, будто время здесь остановилось. Будто мы все – персонажи огромного кукольного домика, покрытого пылью и населенного призраками.

На этот раз они не стали рисковать, и в город меня вез частный экипаж с закрытыми наглухо окнами. Но я слышала барабанный по крыше дождь и, закрыв глаза, представляла, как холодные капли падают на лицо, стекают по щекам и теряются где-то в одежде.

А потом мечты воплотились в реальность. Мы вышли на залитую водой улицу и, пока шли, перепрыгивая бурлящие потоки, вымокли почти насквозь. Хантер сквозь зубы ругал неработающие ливневки и магов из мэрии, каждый раз удивляющихся дождю, а мне хотелось остановиться, посмотреть в затянутое тучами ночное небо и рассмеяться.

Даже если это последнее воспоминание о реальном мире, перед тем как я навсегда погружусь в собственные кошмары, – оно того стоит.

Алан Ренсом появился словно из ниоткуда. Он молча смерил меня мрачным взглядом и, обогнав нас, поднялся на второй этаж старого дома с апартаментами.

– Это его дом? – спросила я у Хантера.

– Кого? – Он был так погружен в свои мысли, что, кажется, даже не заметил присоединившегося к нам детектива. – А... нет, это служебная квартира управления. Ее используют, когда приезжают детективы из Даркфелла или когда берут под охрану свидетелей.

– Но я не свидетель.

– Ты консультант.

Неожиданно даже для самой себя я почувствовала прилив душевных сил.

У меня не было шанса представить свое будущее. Его просто не существовало. С самой смерти отца я знала, что сделаю, я сгорала от нетерпения, выведывая секреты сестер.

Кортни и Кайла. О, у них было много тайн. И все они тщательно скрывали от глупой наивной малышки Ким. Их лица, когда я один за другим щелкала их секреты, надо было видеть!

– Ким!

Я снова слишком глубоко погрузилась в мысли. Хантер усадил меня на диван и дал большое сухое полотенце, чтобы я вытерла волосы. Детектив сел напротив. Пока я силилась вспомнить лица сестер, он успел разложить на столике папки с делами.

– Взгляни на это. И скажи, что видишь.

Детектив был прав еще в кондитерской: я бесполезна. Я не умею проникать в разум преступников, я не обладаю нужными знаниями или интуицией. Когда-то мачеха робко предполагала, что у меня могут быть способности менталиста, но и те крохи дара, полученного по наследству, отобрали вместе с правом на свободу.

Так несправедливо: много лет назад моя сестра забрала чужую магию. И до сих пор живет с ней. А мне пришлось отдать свою.

– Эй, ты уснула? – Детектив помахал рукой у меня перед носом. – Боги, что я здесь делаю? Она просто больная. Давайте выставим ее как приманку – и перестанем делать вид, что нам и впрямь нужна консультация полоумной.

– Алан, не дави на нее, – сказала Кристина. – Ким, убийца тобой заинтересовался. Попробуй предположить почему.

Со вздохом я придвинула документы ближе и вчиталась.

– Он убивает только мужчин, за исключением Аделины. Он впервые убил женщину. Мужчины ему нужны для чего-то, а женщина – для меня. Ответ на сообщение.

– Совесть не мучает? – ехидно поинтересовался детектив.

Лекарь Дельвего закатила глаза.

– Нет, – улыбнулась я. – Алан, вы знали, что многие убийцы не способны к эмпатии? Мы просто не испытываем к жертвам сочувствия. Не можем их пожалеть, примерить их боль на себя. Не можем сопереживать кому-то, радоваться за кого-то. Ненавидеть кого-то. Мы просто чувствуем желание убить – и не противимся ему.

Детектив смотрел с отвращением. Казалось, если бы не Хантер и Кристина, он бы потянулся за револьвером и пристрелил меня на месте. Хм... Неожиданно будоражащая мысль.

– Всех жертв держали взаперти несколько дней. Но не пытали, не насиловали. Для чего? И почему именно ментальный удар?

Я почувствовала, как начинает болеть голова. Все отдала бы за чашку горячего чая, но Кристина куда-то исчезла, детектив вряд ли станет за мной ухаживать, а Хантера просить не хотелось. Я чувствовала его пристальный взгляд затылком и старалась не оборачиваться.

Просматривала какие-то отчеты, записи, допросы. Вскоре они слились в один комок непонятной и неинтересной информации. Но кое за что я все же зацепилась. Каждое место

преступления записывали. Брали кристалл, делали снимки. Артефакт отправляли на очистку, а снимки переносили на бумагу и подшивали к делу.

Когда я только попала в лечебницу, у меня тоже было такое дело.

– Он похищает их, – произнес детектив Ренсом. – Держит где-то несколько дней, но не мучает. Потом выжигает мозги – и отвозит куда-то умирать. Каждый раз в разное место. Старая ратуша. Маяк. Задний двор давно пустующего дома. Не добывает сам, словно не боится, что кто-то выживет и даст показания. Почему?

– Я не знаю, – прошептала я.

– Кто он?

– Не знаю.

– Что ему нужно?

– НЕ ЗНАЮ!

Ренсом с такой силой ударил по столу, что я отпрянула и забралась на диван с ногами.

– Бесплезная психопатка. Зачем только я тебя слушаю?

– Я хочу спать.

За неимением Кристины (куда она запропастилась, разве лекарь не должна за мной следить?) я повернулась к Хантеру.

– Я устала. Я хочу спать.

– О, конечно, теперь мы будем ждать, когда Кимми поспит. Мы ведь для этого собрались. Чтобы она отдохнула! Прогулялась, поспала, вкусно поела, да? Подумаешь, убийца, жертвы, расследование – у Кимми ведь нет эмпатии. Ей плевать на чужие жизни, Кимми хочет в постельку!

– Алан! – оборвала его Кристина. – Ким больна. У нее была бессонная ночь, не без твоей помощи. Дай ей пару часов, а потом свози на места преступлений.

– Все, – раздался голос Хантера, – Кимберли, идем. Здесь есть спальня, ты сможешь немного поспать.

Детектив Ренсом был в ярости, а Кристина вновь скрылась где-то в недрах апартаментов. Я злилась, что она не смогла проводить меня в комнату и помочь, но все равно была благодарна за то, что заткнула детектива. Его яростный взгляд преследовал меня, готовый прожечь в затылке дырку.

В последний раз я бросила взгляд на разложенные на столе картинки, задержавшись на старом маяке, и вдруг изображение будто ожило. Среди грубых мазков магической краски в мягком свете луны на маяке промелькнул силуэт, очень похожий на воплощение моего ночного кошмара.

Я моргнула и тряхнула головой.

– Ким? – спросил Хантер.

Его голос, как и всегда, разрушил наваждение. Картинка осталась статичной.

– Я хочу спать, – повторила я.

– Идем. Завтра продолжим.

Как долго я не спала в нормальной постели!

При виде двуспальной кровати с горой подушек и огромным тяжелым одеялом перехватило дыхание. Не верю, что мне разрешат спать здесь, и как же не хватает Хейвен! Она непременно должна это увидеть!

– Хейвен? – позвала я. – Ты здесь? Смотри, какая шикарная кровать! Эй! Почему ты пропала?

Хантер сбросил покрывало на пол и кивнул:

– Ложись. Мне нужно тебя осмотреть. Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит.

Я осторожно легла на подушки и тут же вскочила: испугалась. Сердце засбоило, разгоняя по венам кровь, дыхание сбилось.

– Эй, – мягко произнес лекарь, – тебе нечего бояться.

– Тук-тук, за окном...

– Ким. Ким! Это просто кровать. Мы в служебной квартире. За ее пределами стоит охрана, и никто не войдет сюда. Тебе нечего бояться.

– Почему ушла Хейвен? – хныкнула я.

– Вероятно, сейчас ты в ней не нуждаешься. Ложись. Закрой глаза. Не бойся. Я не стану вторгаться в твой разум, просто удостоверюсь, что ты в порядке.

Это все равно страшно. Прикосновение чужого разума рождает глубинный, животный ужас. Я до боли в костяшках сжала одеяло, когда почувствовала, как Хантер проникает ко мне в голову.

Каждый день. Два года. Им просто нужно убедиться, что я в порядке. Что внутри еще есть личность Ким.

Когда все закончилось и воцарилась тишина, я открыла глаза и поняла, что плакала. Или от яркого света заслезилась глаза?

– Ты молодец. Я думал, будет хуже. Отдохни. Я буду в соседней комнате, но не делай глупостей, Ким. Иначе придется вернуть тебя в палату – и больше ты ее не покинешь.

Облизнув пересохшие губы, я спросила:

– Можно вопрос?

– Давай.

У меня не получалось говорить громко, я почти шептала, обессилев после ментального воздействия, и Хантеру пришлось сесть на краешек постели.

– Ваша сестра как-то сказала, что я почти не помню детства из-за того, как со мной обращался отец. Что моя магия не дает мне помнить, это ее способ защитить нас. Что из-за жестокости моя личность отделилась от магии – и поэтому я больна.

– Немного примитивно, но в целом верно. Мы часто подавляем страшные воспоминания. Это наш способ выжить. Ты не одинока и не уникальна, даже здоровые люди порой предпочитают что-нибудь забыть.

– Тогда почему я не помню вас?

Он усмехнулся.

– Может, потому что я тоже тебя мучил?

Я похолодела, но не смогла пошевелиться. Хантер покачал головой, я только сейчас заметила, что и он едва держится на ногах от усталости.

– Я обязательно вспомню. Я вас вспомню.

– Тогда у меня мало времени, – улыбнулся он.

Поднялся, погасил свет, оставив лишь небольшой ночник на тумбочке у постели.

– Для чего? – спросила я.

– Чтобы тебя спасти. Спокойной ночи, Ким.

Год назад

– *Леди Кордеро, лорд Уолдер, прошу прощения за задержку, сложный пациент.* – Хантер входит в кабинет и быстро окидывает взглядом гостей.

Девушка лет двадцати – двадцати пяти, не больше. Красивая шатенка с роскошными длинными волосами, собранными в косу. Кортни Кордеро – он слышал о ней. Единственная законная наследница состояния Карла Кордеро. Хантер украдкой рассматривает ее, пытаясь отыскать сходство с отцом. Но, судя по тому, что он выяснил, Кортни не самое большое зло в Хейзенвилле.

А вот ее супруг, Герберт Уолдер, может создать много проблем. Юрист, поверенный семьи Кордеро, всецело преданный Карлу. Классический случай: работал на друга, женат на дочери друга. Верный пес со смертельной хваткой.

– И что же Хантер Дельвего забыл в провинциальной лечебнице для безумцев? – кривится Герберт.

Кортни удивленно смотрит на мужа.

– Вы знакомы?

Тот кивает, и одновременно с его ответом Хантер вспоминает, где видел Уолдера.

– Пересекались несколько раз на процессах. Он был судебным менталистом. После его допросов немногим удавалось сохранить разум.

– Я не выбирал свое назначение, – мягко говорит он. – Приказы его величества не обсуждаются. Как и на прошлой должности, я выполняю свою работу. И пригласил вас, чтобы обсудить состояние Ким.

Кортни выдыхает, отводя взгляд, а Уолдер едва заметно стискивает деревянные четки, которые до этого вертел между пальцами. Что ж, им все еще больно от того, что случилось с младшей Кордеро, и эта боль сейчас – его союзник.

– Я хочу немного поработать с Ким. Мне нужно ваше разрешение на ментальное вмешательство.

– Вы уже лишили ее магии. Что еще вам от нее нужно? Оставьте ее, дайте провести остаток дней без боли! – Голос леди Кордеро звенит.

– Я не собираюсь причинять Кимберли боль. Намеренно уж точно. Я лишь хочу попробовать несколько экспериментальных методик. Сейчас Ким замкнута, она не разговаривает, не принимает пищу. По протоколу я должен заставить ее, лишить воли, но вы и сами знаете, что это только приблизит конец. Методики, разработанные мной...

– Знаете, что о вас говорят, Хантер? – перебивает его Уолдер.

– Что я гениальный менталист?

И что ему не хватает выдержки. Он всерьез собирается мериться крутостью с опекуном своей пациентки? Просто потому что... что?

– Что вы полный подонок. Для вас не существует границ, морали, принципов этики. Не знаю, кому пришло в голову назначить вас на это место...

– Хорошо, я буду честен.

Видят боги, он не хотел делать это так. Но ему нужно проникнуть в голову Ким Кордеро. Нужно достать ее воспоминания и удостовериться, что он сам не безумец.

– Хейвен О'Ши, Эмили Фаннинг и детектив Портер, вероятно, могут быть не единственными жертвами Ким.

Кортни вздрагивает, и маска холодной наследницы из высшего общества слетает. Перед ним испуганная девчонка, отчаянно ищущая руку мужа как опору в мире, где у нее забрали сестру.

– Мы думаем, она начала убивать задолго до того, как стала с вами играть. Если это так, мы должны знать обо всех жертвах. И я узнаю. Либо с вашей помощью – и тогда Ким, возможно, станет лучше. Либо по протоколу управления правопорядка. Тогда она перестанет быть вашей сестрой.

Он лжёт.

Ким Кордеро никого не убивала – за исключением известных жертв, разумеется.

Но ему очень нужно к ней подобраться.

В одном Уолдер прав: Хантеру и впрямь плевать на мораль.

Глава 3

Я старалась. Я очень старалась быть хорошей девочкой.

Но хорошие девочки не убивают, и я перестала притворяться.

Когда луна заняла себе место прямо напротив окна комнаты, где меня положили, я поняла, что вряд ли усну. Притворная усталость была способом сбежать от агрессивного допроса детектива Ренсома, но на самом деле сна не было ни в одном глазу. Порой я могла не спать сутками, меряя шагами палату.

А сейчас передо мной был открыт весь мир.

Как можно тише я оделась и выскользнула из комнаты. Сердце неистово стучало, а еще я боялась, что в самый неподходящий момент появится Хейвен. Хотя она не могла меня выдать, я все равно порой думала, что Кристина ее видит.

Но мои сопровождающие, кажется, спали. Во всяком случае, ни Алана Ренсома, ни Кристины, ни Хантера не нашлось в гостиной. А вот на столе все еще валялись документы по убийствам, и я даже поразилась такой беспечности.

– И кто из нас здесь сумасшедший? – пробормотала я.

На кухне нашлись чай и печенье. Я даже не поняла, что голодна, но когда немного поела, стала чувствовать себя чуть лучше. Без ежедневных доз зелий туман в голове постепенно рассеивался. А вместе с ним возвращался вкус к жизни.

Отовсюду слышалось завывание ветра. В это время в старых домах Хейзенвилля ужасно холодно, сквозняки пробирают до костей. Я с тоской вспомнила, как осенью дома зажигали камин. Они уютно потрескивали круглые сутки, а мы с сестрами жарили на открытом огне хлеб и зефир. Тайком от папы и мачехи.

Грея руки о чашку с чаем, я села на диван.

Сейчас я увидела то, что ускользнуло от внимания при разговоре с Аланом. А может, он намеренно скрыл от меня часть материалов, опасаясь срыва. Но в каждой папке, посвященной убийству, самым последним листом шел портрет жертвы.

– Что это ты тут делаешь? – услышала я голос Хейвен. – И где твои надзиратели?

Не отрываясь от рисунков, я шикнула на нее.

– О... – Хейвен заглянула мне через плечо. – Как интересно. Это те, кого он убил?

– Да, – шепотом, боясь, что проснется Хантер, сказала я. – Это жертвы.

Мне стоило взглянуть на одну иллюстрацию – и я уже знала, что увижу на следующих. Мужчины, свернувшиеся клубочком в бесплодных попытках спрятаться от боли, разрывающей голову изнутри. С ярко выступающими венами неестественного алого оттенка.

И три следа на запястьях. От трех тонких цепочек.

Одного из них я знала.

Эдмонд Белами.

Человек, чьего ребенка я когда-то похитила, чтобы подставить сестру. Человек, который притворился безумным. Тот, кто сказал...

Он ждет тебя.

Я отбросила папки в сторону и опустила голову, глубоко дыша, как учила Кристина. В надежде, что сейчас закружится голова и мир вокруг померкнет, а потом я проснусь в своей палате и рядом будет доставучая мертвая Хейвен.

– Он вернулся, да? – вместо этого услышала я ее голос. – Я думала, ты его выдумала.

– Я тоже так думала, – глухо сказала я. – Это безумие. В чистом виде. Он не мог вернуться, он мертв!

– Может, ты ошиблась? Вдруг ты ошиблась?

Хейвен панически заметалась по комнате.

– Он нас найдет! Он отомстит!

– Хейвен, я прошу тебя, уймись! Дай мне подумать!

– Ты глупая, глупая, глупая! Зачем ты его убила?! Почему ты не слушалась, Ким?! Почему ты такая непослушная?!

– Заткнись! – прошипела я, чувствуя, как внутри поднимается ярость.

От неожиданности я замерла, прислушиваясь к себе. Я давно не испытывала таких чистых эмоций. Я давно не испытывала злости, ярости, ревности – таких простых человеческих чувств. Лекарственные зелья глушили все, кроме монотонного выматывающего страха. Иногда через пелену тумана в сознании пробивалась обида или усталость, но страх – вот основа послушания каждого безумца.

– Он вернулся... – все шептала и шептала Хейвен. – Вернулся. Что нам теперь делать, Ким? Он убьет нас! Убьет, как убил их всех...

Я резко поднялась, и она отпрянула. Расширившимися от ужаса глазами посмотрела на меня, попятилась и замотала головой так отчаянно, что если бы не была призраком, непременно свернула бы себе шею.

– Нет! Нет! Нет! Не смей! Не смей, Ким, ты слышишь?! Ты не можешь уйти! Ты не можешь пойти к нему! Ты больная! Ты должна оставаться здесь! Тебе нельзя уйти! Ким!

Хейвен преградила мне путь. В темноте казалось, будто ее черты исказились, превратив некогда красивую девушку в одного из монстров моих кошмаров.

– Отойди, Хейвен, – тихо сказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.